

ОТЗЫВ официального оппонента

на диссертацию БЕЛОЙ ИРИНЫ ВИТАЛЬЕВНЫ
на тему «Феномен субтрадиции в даосизме
(на материале корпуса сочинений Сунь Бу-эр)»,
представленную на соискание ученой степени доктора философских наук
по специальности 09.00.14 – философия религии и религиоведение

В восточных религиях становление и оформление субтрадиций как особой духовной практики, основанной на авторитетном тексте и развивающей общие смыслы религии в неортодоксальном ключе, представляет собой обширное и не всегда хорошо изученное проблемное поле религиоведения. Тем более что целый ряд субтрадиций в религиях Южной и Восточной Азии обязан своим формированием попыткам реформации и переосмысления традиционных для этих цивилизационных ареалов религий. Одной из таких субтрадиций является даосская «субтрадиция Изначальной владычицы Сунь Бу-эр», оформленная в целостном виде усилиями Чэнь Ин-нина (1880—1969).

Актуальность темы, которую Ирина Витальевна Белая избрала для диссертационного исследования, неоспорима: школа Цюаньчжэнь, к которой принадлежит субтрадиция Сунь Бу-эр, занимает ведущую позицию среди других направлений даосизма в современном Китае, а сама субтрадиция вырастает благодаря активной роли женщин в становлении этой школы. К тому же даосизм по сей день остаётся самой малоизученной религией, и потому исследование его субтрадиций вносит несомненный вклад в его научное изучение. Более того, актуальность темы обусловлена также общей недостаточной изученностью места и роли женщин в религиях, тем более – традиционных религиях Востока; так что к недостаточной изученности даосизма добавляется и недостаточная изученность места в нём женщин – тем более что в традиционных религиях женщины в духовном и социорелигиозном смысле воспринимаются амбивалентно. Поэтому связь субтрадиции Сунь Бу-эр с феноменом гендера добавляет актуальности диссертации Ирины Витальевны.

Выявление идейно-теоретического и образно-метафорического содержания «субтрадиции Изначальной владычицы Сунь Бу-эр», обозначенное как цель комплексного исследования феномена субтрадиции в даосизме (С. 25), строится с учётом достижений отечественной, китайской и зарубежной науки, а также на основе оригинальных китайских источников – сочинений школы Цюаньчжэнь, текстов, приписываемых Сунь Бу-эр, текстов даосских стел и других произведений философской классики Китая.

Исследование проведено благодаря продуманному выбору методологических инструментов – сочетанию эволюционистского и сравнительно-исторического подходов Дж. Фрэзера и системного подхода Б. Малиновского вместе с положениями отечественных синологов и комплексом методов и принципов.

Текст диссертации свидетельствует, что Ирина Витальевна проделала колоссальную работу не только как философ-религиовед, но и как филолог. Переводы текстов субтрадиции (как в диссертации, так и в приложениях в ней, С. 465–490) свидетельствуют о её способности вживаться в изучаемый и переводимый материал. Столь же впечатляет глубокое погружение Ирины Витальевны в предмет исследования. Поставленной цели она последовательно и успешно достигла благодаря решению ряда задач – от комплексной реконструкции истории даосского учения Целостности и совершенства и до анализа ключевых терминов и понятий в сочинениях, приписываемых Сунь Бу-эр (С. 25).

Исследование Ирина Витальевна начинает с выяснения генезиса и развития учения Целостности и совершенства (Цюаньчжэнь) как традиции и основы, на которой впоследствии была построена модернизация даосизма и формирование субтрадиции. В первой главе диссертации хорошо представлены истоки учения Цюаньчжэнь, ставшего в XII в. новым религиозным движением, за короткое время завоевавшим широкое признание в народе и одновременно оказавшемся идеологической опорой и средством управления для сменявших друг друга завоевателей и династий. Со знанием дела соискатель описывает социально-политическую и религиозную ситуацию эпохи как комплексную предпосылку появления школы Цюаньчжэнь, игравшую роль посредника между народными низами и институциональными слоями религии даосизма, а также приводит максимально широкий круг предпосылок появления и широкого распространения этого учения – от социальных и политических до духовных (С. 50–51). Мне видится особенно важным акцент на эсхатологических ожиданиях как почве повышения интереса ко всем новым учениям мессианского характера. Думается, что раздел мог бы выиграть от краткого абриса собственно эсхатологических настроений в китайском обществе – в чём именно они проявлялись; в тексте есть указание на них, но лишь косвенное, по текстам Ван Чун-яна.

Исследование школы Цюаньчжэнь Ирина Витальевна ведёт на богатой источниковой базе, привлекая не только традиционные жизнеописания, но также эпиграфику и иконографические документы (1.2). Особенно продуктивным мне представляется привлечение поэтических произведений для уточнения философских идей учения Цюаньчжэнь, т. к. и в философии, и в религиоведении нередко недооценивается поэзия как форма мысли и носитель философского смысла. Но диссертант хорошо понимает роль поэтического текста в становлении религиозно-философских и духовных традиций.

Через анализ жизненного пути и духовной биографии Ван Чун-яна Ирина Витальевна показывает историю становления даосского учения Цюаньчжэнь и интеграцию в нём – на даосской основе – буддийских (чань) заповедей и конфуцианских социальных предписаний. Благодаря этому синкретизму индивидуальное спасение было тесно связано со спасением «всех живых существ через практику «деятельного милосердия» и нравственное совершенствование» (С. 78). В главе рельефно выявлена социальная роль монастырей, благодаря деятельности которых в школе Цюаньчжэнь происходит реальное смещение акцента с ритуала, обрядности и текстуальной экзегетики на этику милосердия и сострадания. Ирина Витальевна подчёркивает, что именно включение этических норм в канву даосского вероучения привело к значимому расширению социальной базы анализируемого направления (С. 48–49). Подробно описаны аскетические практики, возникшие, судя по всему, на пересечении даосской внутренней алхимии и буддийского аскетизма (С. 99–101).

Жизнеописание Сунь Бу-эр служит выяснению её роли в складывании учения Целостности и совершенства как школы, в которой специальное внимание уделено путям совершенствования для женщин. Ирина Витальевна справедливо указывает на относительно незначительную роль Сунь Бу-эр на ранних этапах движения – только к концу XIII в. она возведена в разряд Семи Совершенных наставников школы и ранг бессмертных, в том числе благодаря социальной причине – росту роли женщин в движении.

На основе анализа женских линий преемствования в школе Цюаньчжэнь сделан важный вывод: «Все это свидетельствует о том, что в отличие от традиционного китайского общества, в школе Цюаньчжэнь женщины играли важную роль – от настоятельниц монастырей до основательниц собственных субнаправлений» (С. 128). Затем на примере видных даосок-подвижниц Пу-ча Дао-юань, Во-лэ Шоу-цзянь, Ао-дунь Мяо-шань обстоятельно рассмотрено становление женского монашества и священнослужительства в связи со становлением культа Сунь Бу-эр и расширение влияния школы XIII в. Достоинством этого раздела исследования мне видится выявление социально-исторических факторов, влияющих на принятие женщинами монашеского обета. Ирина Витальевна скрупулёзно выявляет процесс выведения в традиции Цюаньчжэнь этики и мистики (С. 163–168) и складывание корпуса «Чистых правил [учения] Целостности и совершенства» (*Цюаньчжэнь цин гуй*), – именно этика сыграла значимую роль в институционализации школы. При этом нравственное обоснование получила и практико-ритуальная часть, внешне оставаясь по содержанию традиционной (С. 171). С историческими источниками в руках диссертант убедительно доказала, что женщины стали активной социальной силой в движении и религиозной жизни школы Цюаньчжэнь и практически создали культ Сунь Бу-эр.

В третьей главе «Формирование корпуса сочинений Сунь Бу-эр» Ирина Витальевна обнаруживает не только блестящее владение источниковым знанием, но и глубокое вживание в традицию, изложенную в текстах, что позволило впервые в отечественной синологии представить целостный облик этого корпуса текстов. Особенная удача – описание наставлений о женских методах совершенствования, написанных якобы от имени Сунь Бу-эр, их отличий от мужских методов, а также выяснение влияния на них тантрического буддизма, в результате которого эти методы стали своего рода межрелигиозным синтезом в практике. На материале собрания работ по «женской алхимии», сформировавшихся в провинции Сычуань, показано, каким образом происходила трансформация этой традиции в сторону перенесения практики из монастырей в мирское сообщество – для применения женами и дочерьми даосов-мирян. Ирина Витальевна оставляет открытым вопрос о целях авторов этих сочинений, которые были в большинстве мужчинами – ограничить религиозную активность женщин или дать им возможность самореализации в рамках традиционного общества, но в любом случае считает общим назначением «призыв к женщинам предпринимать более активные шаги в поисках наставника и выходе за пределы дома для изучения женских методов самосовершенствования» (С. 243).

Не могу не высказать Ирине Витальевне пожелания в дальнейших исследованиях обратить большее внимание на гендерную подоплеку субтрадиции, – с одной стороны, она является результатом вовлечения женщин в традицию Цюаньчжэнь *мужчинами*: в патриархальном традиционном обществе: с одной стороны, они желали способствовать продвижению женщин по религиозному пути, исходя из космологического равенства полов, а с другой стороны, подводили – сознательно или неосознанно – женщин под «мужской» стандарт (трансформация женского тела в сторону андрогинности и др.). И не было ли в этом социальной подоплеки – контроля над демографической ситуацией с помощью женского монашества, требования отказа от семьи в пользу «немирской семьи» и т. п.?

Четвёртая глава «Оформление “Субтрадиции Изначальной владычицы Сунь Бу-эр”» посвящена развёрнутому анализу проделанной Чэнь Ин-нином работы в области модернизации даосизма в его гендерном аспекте и собственно интерпретации «Поучений Изначальной владычицы Сунь Бу-эр». Первый раздел, где описана научная и реформаторская деятельность Чэнь Ин-нина, мог бы выиграть от более подробной картины собственно движения модернизации (реформации) даосизма, так как и субтрадиция Сунь Бу-эр развивается в контексте более широкой модернизации даосизма. Столь же интересным было бы выяснение влияния инорелигиозных и нерелигиозных (научных) факторов на попытки реформации даосизма, – а не только социальных и политических условий появления реформаторских тенденций.

Несомненно удачным является анализ роли Чэнь Ин-нина в институционализации субтрадиции: он выступает как реинтерпретатор и редактор текстов, акцентирующий в них рационально-научное начало; как комментатор создаваемой им субтрадиции для женщин. Реформатор теоретически исключил установки на безбрачие для осуществления женских практик и обосновал практики для замужних женщин. Он истолковал даосские методы совершенствования для женщин как средство женской эмансипации и тем усилил основания равенства по сравнению с традиционными и консервативными гендерными образцами благодаря вытеснению традиционного отношения к женщине, что принципиально расходится с идеологией комментируемых источников. Чэнь Ин-нин не только фактически создал субтрадицию, но и сделал её выходящей за рамки конкретной даосской школы – «социально-культурным явлением на волне женской эмансипации и идеологических изменений» (С. 288). На мой взгляд, раздел мог бы выиграть от краткого описания собственно *изменений* в традиционных гендерных отношениях – переосмыслении места и роли женщины в модернизирующемся китайском обществе, – в диссертации об этом только упоминается, хотя в редакторской и реформаторской работе Чэнь Ин-нина эти изменения и воплощены.

В завершающем разделе 4 главы благодаря интерпретации «Поучений Изначальной владычицы Сунь Бу-эр» выявляется смысловое содержание практик женской алхимии. Ирина Витальевна определила многоплановый характер каждого стиха и «Поучений» в целом – множественность понятий и образов, иносказательность языка, требующая опоры на комментаторские и практические традиции для понимания смыслов и т. д.

Главное достоинство и достижение проделанной соискателем работы мне видится в детальном описании «субтрадиции Изначальной владычицы Сунь Бу-эр», которая интерпретирована прежде всего как текстуальная, явившаяся результатом реформаторских трудов даосского деятеля школы Цюаньчжэнь и исследователя даосизма Чэнь Ин-нина. В исследовании выявлен процесс и механизм формирования субтрадиции с XVII по XX в., а также показаны все особенности группы источников, общие черты текстов субтрадиции, особенности её формирования. Мне импонирует и внимание Ирины Витальевны к контексту, в котором субтрадиция формируется – не только духовному, но и социокультурному. Ей действительно удалось заложить основание для дальнейшего изучения «субтрадиции Изначальной владычицы Сунь Бу-эр».

Прочтение представленной к защите диссертация вызывает несколько замечаний.

1. В диссертации предложено интересное авторское определение феномена субтрадиции («малой традиции») в даосизме как «корпуса сочинений, развивающих отдельные даосские идеи и методы конкретного религиозного движения» (С. 32, 395). Однако в любой развитой

религиозной традиции/субтрадиции всегда присутствует не только текст и теория, но также собственно религиозная практика, конкретное религиозное сознание, направляемое практикой поведение верующих, в том числе социальное. На С. 37 есть уточнение, что «На данном этапе изучения проблемы можно заявить, что «субтрадиция Изначальной владычицы Сунь Бу-эр» – явление текстологическое». Однако в этом случае получается, что в авторском определении субтрадиции её содержание редуцируется к тексту – только из-за недостаточной изученности практики. Тем более что изучаемая субтрадиция строится с особым вниманием к гендерному измерению религиозной практики; к тому же в XX в. прослеживается активное вовлечение в практику субтрадиции женщин, – о чем на примере Люй Би-чэн (С. 267–273) Ирина Витальевна так интересно написала.

2. Если Ван Чун-ян делал всей своей жизнью акцент на радикализации образа жизни (отказ от семьи, нищенство, строгий аскетизм, упор на индивидуальном спасении и др., С. 106), то из каких компонентов учения выводится его универсальное значение для *мирян*, не готовых стать монахами и отшельниками, в т. ч. представление о мирской святости и методах духовного совершенствования (2 положение, выносимое на защиту).

3. Понимание Чэнь Ин-нином даосизма как такового осталось за пределами текста диссертации (на С. 249–250 об этом кратко упоминается в описании вех его деятельности). По тексту увидеть основы его реформаторских воззрений можно только по косвенным признакам – смещению акцента с моральных предписаний на духовные практики, удаление из фрагментов, касающихся «чудесного происхождения» текстов традиции (С. 259–260) и т. д.

Высказанные замечания не снижают никоим образом моей высокой оценки диссертации Ирины Витальевны; поскольку любое серьёзное исследование не только открывает новое знание, но и стимулирует размышления и дальнейшие изыскания в конкретной области и научную мысль как таковую. Ирина Витальевна представила самостоятельное исследование, которое вносит серьёзный вклад в изучение даосизма в целом, учения Целостности и совершенства и самой «субтрадиции Изначальной владычицы Сунь Бу-эр» как таковой, особенно при прежнем отсутствии монографических исследований в отечественном востоковедении.

Автореферат достойно отражает содержание диссертации, вместе с публикациями, среди которых 3 монографии, 18 статей в журналах, входящих в перечень рецензируемых изданий ВАК РФ, три из которых внесены в международные базы данных WoS (2) и Scopus (1).

Диссертация «Феномен субтрадиции в даосизме (на материале корпуса сочинений Сунь Бу-эр)» является самостоятельным исследованием и отвечает всем требованиям п. 9 «Положения о порядке

присуждения ученых степеней», (утверждено постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842), предъявляемым к докторским диссертациям, а соискатель – Белая Ирина Витальевна – заслуживает присуждения ученой степени доктора философских наук по специальности 09.00.14 – философия религии и религиоведение.

Пенза, 13.04.2019.

Доктор философских наук,
специальности 09.00.03 – история философии,
09.00.11 – социальная философия
кандидат исторических наук,
специальность 07.00.03 – всеобщая история,
доцент, профессор кафедры «Теория
и практика социальной работы»
ФГБОУ ВО «Пензенский
государственный университет»

Т. Г. Скороходова

Адрес организации: 440026, г. Пенза, ул. Красная, 40
skorokhod71@mail.ru
+7-8412-54-75-97

